

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.10>

Алексеева Анастасия Валерьевна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ СМЕРТИ И ПАМЯТИ В ПОЭЗИИ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО**

Данная статья посвящена анализу языковой репрезентации русских глаголов звучания в поэзии Роберта Рождественского. На материале его произведений рассматриваются особенности функционирования и употребления данной группы глаголов звучания, определяется их место и роль в произведениях поэта. В статье впервые делается попытка определить статус лексического воплощения тематической группы смерти и памяти в поэтических текстах Роберта Рождественского. Выявлен корпус процессуальных единиц-звукообозначений с целью выявления творческого своеобразия поэта.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/10.html](http://www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/10.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 44-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/](http://www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 811.161.1'36

Дата поступления рукописи: 18.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.10>

*Данная статья посвящена анализу языковой репрезентации русских глаголов звучания в поэзии Роберта Рождественского. На материале его произведений рассматриваются особенности функционирования и употребления данной группы глаголов звучания, определяется их место и роль в произведениях поэта. В статье впервые делается попытка определить статус лексического воплощения тематической группы смерти и памяти в поэтических текстах Роберта Рождественского. Выявлен корпус процессуальных единиц звукообозначений с целью выявления творческого своеобразия поэта.*

*Ключевые слова и фразы:* глаголы звучания; языковая репрезентация; лексико-семантическая группа; дифференциальная сема; процессуальная единица; лексическая семантика.

**Алексеева Анастасия Валерьевна**

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск  
a\_disinchuk@mail.ru*

### **ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ СМЕРТИ И ПАМЯТИ В ПОЭЗИИ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО**

Современный этап развития лингвистической науки отличается повышенным вниманием ученых-лингвистов к вопросу лексико-семантической системы языковых единиц.

Положение о системном подходе к изучению языка, в частности, выражаемом на лексическом уровне, является устоявшимся, общепризнанным. В русском языкознании этот вопрос широко освещен в трудах А. А. Потебни, М. М. Покровского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Л. М. Васильева, Э. В. Кузнецовой и др.

Еще В. В. Виноградов подтверждал мысль о необходимости «изучать системы или цепи значений слов, относящихся к одной или нескольким смежным лексико-семантическим сферам или группирующихся вокруг одной семантической категории, одного семантического ядра» [2, с. 183].

Изучение русских глаголов звучания не раз становилось объектом многочисленных исследований в области лексической семантики. Актуальным остается вопрос разграничения данной лексико-семантической группы (ЛСГ) в контексте языковой парадигматики.

Л. М. Васильев в основе последующего членения ЛСГ выделяет абстрактные семантические синтагмы типа «звучание – источник звука» [1, с. 42], дальнейшая субкатегоризация производится посредством анализа более частных парадигматических компонентов их значений. Ученый-лингвист относит глаголы звучания к глаголам слухового восприятия, отмечая их способность обозначать звуки, значение действия которых акцентирует источник звука или сам звук.

О. Д. Кузнецова рассматривает два значения в данной ЛСГ с учетом выделения в каждой группе разного субъекта действия: «издавать звук / производить звук» [5, с. 67]. Субъектами действия глаголов звучания могут быть как одушевленные, так и неодушевленные предметы. Р. Г. Карунц выделяет парадигму семантической деривации глагольных лексем, употребления метафорического значения глаголов звучания [4, с. 14].

О наличии субъекта восприятия (Наблюдателя) в семантике глаголов звука отмечает Е. В. Падучева. Среди ЛСГ глаголов звучания ученый-лингвист выделяет группу «идеальных глаголов звука» [8, с. 7], констатируя факт о том, что «между разными лексемами одного слова существуют регулярные деривационные соотношения, позволяющие сопоставить слову не список, а парадигму лексем, связанных одна с другой продуктивными типами семантической деривации» [7, с. 410].

И. В. Ивлиева выделяет классификационные схемы глаголов звучания, описывая модификационные значения производных слов глаголов звучания. Выделение глаголов данной ЛСГ осуществляется по признаку одушевленности/неодушевленности источника звука. Так, «к первому классу относятся глаголы порождения речи и звуков человеком, ко второму – звуковые глаголы механического происхождения и неживой природы» [3, с. 127].

В современной лингвистике анализ процессуальных единиц, имеющих в своем значении сему «звук», осуществляется на основе данных, репрезентируемых единицами художественного текста. Материалом для анализа данной статьи послужил весь корпус поэтических текстов Р. И. Рождественского, зафиксированный в трехтомном собрании сочинений. Методом сплошной выборки выявлено 878 языковых единиц, репрезентирующих ЛСГ глаголов звучания. Использование глаголов звучания в поэтических текстах Р. Рождественского определяет особенности лексического воплощения тематической группы смерти и памяти в его произведениях.

**Тема смерти** в творчестве Р. Рождественского занимает особое место.

Рождественский воспринимает смерть как нечто трагическое, разрушительное, не поддающееся разгадке человеческого разума. Герой Р. Рождественского не готов примириться со смертью, ее роковой неизбежностью. Смерть трактуется как символический знак к постижению тайны бессмертия.

В стихотворении «Отволнуюсь. Отлюблю. Отдышу» представления поэта связаны с трагическим предчувствием смерти, фатальным уходом из жизни. Сталкиваясь со смертью лицом к лицу, поэт лишен диалога

с ней, она овладевает сознанием поэта, подчиняя его волю своей. Глаголы звучания с семантикой крика употребляются для обозначения ситуации дисгармонии, диссонанса:

...когда последний час  
*грянет*, звеня, –  
 несговорчивую смерть попрошу  
 дать пожить мне.  
 Хотя б два дня [9, с. 284].  
 ...будут птицы над дюнами *звенеть*...  
 И тогда –  
 хотите верьте или нет –  
*закричу* не я,  
 а смерть *закричит* [Там же, с. 285]!

Мир Р. Рождественского носит характер антиномического. Принцип антиномии, противопоставления, как один из ведущих в поэзии Р. Рождественского, представлен в оппозициях *жизнь/смерть*, *свет/тьма*, *минута/вечность* и др., детерминированных спецификой авторского восприятия мира.

*Образы тьмы и ночи* являются воплощением неминуемой смерти героя поэтических текстов Р. Рождественского («Ожидая ночи, как расстрела», «Никому из нас не жить повторно» и др.). Ночь у поэта рассматривается как что-то трагическое, мрачное, зловещее. Ночной мир для поэта – предвестник смерти, символ скорой гибели, знак предчувствия близкой кончины. Семантическая группа глаголов звучания с семей «*издавать шумы, хрипы, горловые звуки*» наиболее характерна при описании образов ночи в поэтическом представлении Р. Рождественского. В стихотворении «Молитвы инка» описательно-пейзажный факт наступления ночи поэт воспринимает как символ смерти, увядания и т.д.

Как мало у ночи красок...  
 Не зря умирают  
 ночью,  
 Мучаются и *хрипят* [10, с. 306].

Тема смерти у Рождественского многомерна. В его произведениях смерть связана непосредственно с ходом, течением времени. Мотив необратимости времени – один из наиболее распространенных. **Время** – символический образ *быстротечности жизни*, невозврата к прошлому. Оно вольно распоряжаться судьбой поэта по своему усмотрению. Герой Р. Рождественского подвластен времени.

В стихотворении «Ремонт часов» поэт остро чувствует равнодушно отстукивающее отпущенное ему время. Часы, как символ времени, напоминают ему об этом. Способ звукового акцентирования в образе *времени* выражается приемом лексического повтора глагола звучания с семантикой «*производить постукивание при ходе мерно повторяющегося звука*», символизирующим бренность человеческого существования.

А часы на руке  
*будут тикать*.  
 Тихо *тикать*.  
 И отсчитывать время,  
 предназначенное мне [Там же, с. 16].

Размышления о смерти поэтом выражаются вопросом о смысле жизни, судьбы, предназначении человека в мироздании. В стихотворении «Минута молчанья», посвященном М. Пархомову, другу и коллеге поэта, в знак уважения к памяти усопшего звучит ответное слово Р. Рождественского. Поэт призывает тишиной почтить память умершего, глаголы звучания с семантикой крика приобретают противоположное значение. Дифференциальная сема «*издавать тихий звук*» актуализируется посредством глагольного отрицания частицей не.

Не смейте *греметь*,  
 орудийные глотки!  
 Замолчите, станки,  
*не кричите*, моторы.  
 Ребенки в родильных домах,  
*не орите*.  
 Эй, люди!  
 Подумаем очень серьезно,  
 как жить на земле [Там же, с. 419-420]?

В лирическом отступлении поэмы «О разных точках зрения» поэт задается извечным вопросом: «Зачем живу?», его он не отпускает, неумно звучит в душе поэта, становится главной темой дум и тревог Р. Рождественского. Звуковые глаголы *кричит*, *звучит*, *гремит* определяют характер издаваемого звука, имеющего общее смысловое значение единиц «*воспроизведение звука с силой крика, стука и пр.*».

Пусть *кричит!*  
*Звучит* с утра,  
*гремит* в полнеба.  
 Хватает за грудки!  
 Пусть я камнем стану.  
*Онемею.*  
 Захочу предать – и не сумею.  
 Захочу солгать – и не смогу [Там же, с. 335].

Философское осмысление онтологических категорий *время/вечность* своеобразно преломляется в поэзии Р. Рождественского. Как отмечают Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, в его поэзии «приглушенно зазвучала философия элегичности, связанная с экзистенциальными переживаниями» [6, с. 131].

Для «позднего» Р. Рождественского характерны *мотивы одиночества, мучения, разочарования*, появляется все больше символических произведений, наполненных философскими обобщениями. Стихотворение «Чего бы это значило?» – своеобразный, финальный монолог-покаяние поэта о подведении итогов собственной жизни. Используемый поэтом глагол звучания *«задрезбезджит»* эксплицирует прямое значение лексемы *«издавать прерывистый, дрожащий звук, подобный легкому звону»*, акцентируя внимание на осознании мимолетности жизни.

Года-черновики,  
 протяжные, как стон...  
 А если я умру,  
 оркестрик  
 перво-наперво  
*задрезбезджит* взамен...  
 Мне так хотелось –  
 набело!  
 Не вышло.  
 Не сумел [10, с. 268].

*Мотив грядущей смерти* как символ неотвратимости судьбы звучит в стихотворении «Сердце». Слышимый образ смерти реализуется *«стуком сердца в груди»*. *Мотив ожидания смерти* актуализируется посредством звуковых глаголов *постучало/стучится*, эксплицирующих общее значение семы *«производить звук ударами, толчками, стуком, выражая тем самым просьбу впустить/выпустить куда-л.»*:

Вдруг  
*постучало* сердце.  
 Негромко.  
 Изнутри.  
 Пусти меня на волю.  
*Стучится* сердце:  
 «Выпусти!!»  
 А как его я выпущу [Там же, с. 358]?

Смерть для Рождественского – бессмысленное уничтожение Я-индивидуальности, поглощение человеческой идентичности, нивелировка личности, основа трагического мироощущения лирического героя.

Особое звучание в поэзии Р. Рождественского приобретает **тема памяти**. Многие лирические произведения поэта, связанные с осмыслением смерти и поиском путей ее преодоления, детерминированы субъективными переживаниями поэта, в частности, посвящены памяти ушедших друзей поэта.

Ярким примером такой памяти может служить глава «Одиночество» из поэмы «Посвящение». *Мотив одиночества* трактуется как форма духовного испытания человеком одиночества. Смерть рассматривается Р. Рождественским как абсолютное одиночество, вечное сиротство души. В данном случае глаголы, передающие значение *«воспроизводить звук, подобный стуку, звону, крику»*, репрезентируют модель авторского видения мира.

Разъехались друзья.  
*Звонят*, когда захочется.  
 У каждого своя  
 проверка  
 одиночеством...  
 В постылый дом  
*стучу*,  
 кажусь  
 чуть-чуть заносчивым.

«Будь проклята, –  
кричу, –  
проверка  
одиночеством!...» [Там же, с. 465-466].

Память – хранитель людских переживаний и чувств. Она является процессом отражения прошлого опыта человека, его связи с настоящим и будущим. Память у Рождественского тихая, безмолвная, несговорчивая. Риторический вопрос, как средство выражения мысли, позволяет передать осмысленное автором суждение.

Значение дифференциальной семы длительности действия, интенсивности звучания у глаголов звучания позволяет осмыслить глубину эмоций героя Р. Рождественского, его умонастроений. В стихотворение «Так вышло. Луна непонятною краской...» поэт вводит риторический вопрос посредством глаголов звучания со значением «*доведение действия до результата*», выражая предельность проявляемых чувств субъектом речи. Эхо памяти звучит в унисон с сердцебиением поэта.

Память. Ты – рядом.  
А как *достучаться*?  
А как дотянуться?  
А как до тебя *докричаться* [11, с. 397]?..

Горечью невозможной утраты, скорбью по погибшим пронизано стихотворение Р. Рождественского «Дети бессмертия». Память о смерти интерпретируется как путь к бессмертию души человека, осознается преодолением вечности в смерти.

Станут памятью встречи,  
привычки, слова...  
А они не вернутся.  
Отбушует зима.  
Скорбь утихнет.  
Будет море шуметь.  
Будет солнце сиять...  
А они не вернутся [Там же, с. 36].

Драматично звучит в поэзии Р. Рождественского память о Великой Отечественной войне. *Мотив связи поколений, единения времен* является важным ориентиром нравственно-философского осмысления жизни. Поэма «Реквием» – яркий пример прославления подвига советских воинов, поэтизации долга, утверждения светлой памяти погибших.

Во вступительной части «Реквиема» лирический герой осознает смерть как мгновенный переход в небытие вечности. Война ассоциируется с трауром, смертью, потерями. Гуманистическая идея бессмертия человеческого подвига во имя торжества жизни над смертью является основополагающей в поэме. Значение базового глагола-идентификатора *кричать* обуславливает позицию субъектом идеи трагизма существования, осознания факта обреченности на смерть:

Если молнии в тучах *зазвучат* грозно  
и огромное небо  
от грома *оглохнет*,  
если *крикнут*  
все люди земного шара, –  
ни один из погибших  
даже не вздрогнет [9, с. 206].

7 часть «Реквиема» – песня-клятва павшим героям Отечества. В ней лейтмотивом звучит идея о неразрывной связи поколений. Глаголы звучания и созидания, используемые в качестве анафорического рефрена, служат ярким примером художественного изображения внутреннего состояния героев поэмы:

Именем жизни  
клянемся павшим героям:  
то, что отцы *не допели*, –  
мы *допоем*!  
То, что отцы не построили, –  
мы построим [Там же, с. 213]!

Война воспринималась временем духовного возмужания поколения послевоенных лет. Время войны для Рождественского – испытание нравственности, абсолютное доказательство честной любви к Родине, человеку, стране. Личностные мотивы, которыми пронизана поэзия Р. Рождественского, определяют характер его произведений, в них – биография целого поколения, судьба страны, народа, отдельно взятого человека.

Стихотворения военной тематики, посвященные памяти «отцов», изобилуют лексикой звуковых глаголов, описывающих звуки неживых предметов. Глаголы звучания с семантикой «*воспроизводить звук с силой крика, стука и пр.*» наиболее продуктивны в военных текстах Р. Рождественского.

Война у Рождественского всегда ассоциируется с криком, воплем, иступленным голосом смерти. Его звучание отчетливо слышится в «Балладе о красках», где описывается 1941 год, ознаменованный началом Великой Отечественной войны. Глагол звучания *прокричали* выражает взволнованность образа героев, запечатленного исторической памятью.

В сорок первом,  
в сорок памятном году  
*прокричали* репродукторы  
беду [11, с. 100].

Героизм народа-победителя воспевают Р. Рождественский в своих произведениях. Память о войне представляется нравственным эталоном человеческих поступков, святым долгом всех живых. В стихотворении «На военном параде» для передачи эмоционального состояния тревоги, волнения субъекта поэт использует глаголы, обозначающие звуки, производимые неодушевленными предметами.

Сердце,  
что ж ты так *забилося*?  
Погоди,  
*не грохочи!*  
Что я вспомнил?  
Что подумал?  
За тобой  
куда иду?..  
Нам бы четверть этой силищи  
в том  
взорванном году [Там же, с. 332]!

Глазами ребенка-очевидца, участника войны, самого поэта дается описание памятных событий из истории военных лет. Обильное употребление глаголов звучания связано с описанием звуков, издаваемых живыми существами. Так, в стихотворении «Женщина из девятого мая», повествование которого ведется от лица участницы войны, звуковые глаголы *кричала/выкричать* передают диалектику души героя, его душевного состояния:

Как *кричала* женщина!  
«Победили!  
Победили!».  
Плача, исходила криком,  
словно кровью  
собственной.  
Горе *выкричать* хотела,  
за войну  
накопленное [Там же, с. 430].

Таким образом, для поэтических текстов Р. Рождественского продуктивным является употребление процессуальных единиц, содержащих в своем значении сему «звук», определяющую особенности лексического воплощения тематической группы смерти и памяти в художественном тексте. В поэтических произведениях Р. Рождественского отмечается высокая степень концентрации и частотность употребления единиц ЛСГ глаголов звучания. Они маркированы абстрактными лексическими категориями характера звучания, степени интенсивности, обусловленности и т.д.

#### Список источников

1. Васильев Л. М. Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания и поведения. Уфа: БГУ, 1981. 71 с.
2. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / сост. Ю. А. Бельчиков; предисл. Ю. В. Рождественского. М.: Высш. школа, 1978. 367 с.
3. Ивлиева И. В. Русские глагольные модификации (опыт составления словаря). М.: ЭЛПИС, 2008. 275 с.
4. Карунц Р. Г. Семантическая структура глаголов звучания в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1975. 24 с.
5. Кузнецова О. Д. Лексико-семантические группы слов, методы их описания. Новосибирск, 1985. 181 с.
6. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2-х т. М.: Академия, 2003. Т. 1. 1953-1968. 413 с.
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
8. Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3-23.
9. Рождественский Р. И. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Песни. 447 с.
10. Рождественский Р. И. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. Песни. 526 с.
11. Рождественский Р. И. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 3. Стихотворения. Поэмы. Песни. 575 с.

## LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE RUSSIAN VERBS OF SOUNDING OF THE THEMATIC GROUP OF DEATH AND MEMORY IN THE POETRY OF ROBERT ROZHDESTVENSKY

Alekseeva Anastasiya Valer'evna

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

a\_disinchuk@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the linguistic representation of the Russian verbs of sounding in Robert Rozhdestvensky's poetry. By the material of his works the author examines the features of the functioning and use of this group of verbs of sounding, determines their place and role in the poet's works. For the first time the paper makes an attempt to determine the status of the lexical embodiment of the thematic group of death and memory in the poetic texts of Robert Rozhdestvensky. The corpus of procedural units – sound indications with the purpose of identifying the poet's creative originality is revealed.

*Key words and phrases:* verbs of sounding; linguistic representation; lexical-semantic group; differential seme; procedural unit; lexical semantics.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 07.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.11>

*В данной статье рассматриваются локальные предложения во французском, русском и ингушском языках в сопоставительном плане. Авторы выявляют наиболее частотные в художественной литературе способы передачи пространственных отношений, как общие для всех трех языков, так и специфичные для каждого исследуемого языка в отдельности. Отмечается, что основным средством передачи локальных отношений в данных языках является глагол с предлогом (последолог). Сделан вывод о том, что расхождения в способах передачи локальных отношений обусловлены их разным грамматическим строем.*

*Ключевые слова и фразы:* сравнительная типология; локальные предложения; пространственные отношения; локальный предикат; глагол; предлог; последолог.

Алиева Пятимат Магаметовна, к. филол. н.

Дудургова Эсет Магаметовна

Оздоева Эсет Герихановна, к. филол. н.

Ингушский государственный университет

pyatimat.alieva@yandex.ru; khaidy17@mail.ru; oeset@mail.ru

### ЛОКАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, РУССКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Современная лингвистика характеризуется двумя ведущими тенденциями: с одной стороны, она адекватно описывает и интерпретирует отдельные языки, выделяя их специфические особенности, с другой стороны, актуализировались исследования языков в сопоставительном плане, отчётливо проявляется стремление лингвистов исследовать в типологическом ракурсе языковые универсалии на всех уровнях языка.

Сравнительная типология как одно из направлений отечественной лингвистики появилось в конце 60-х годов прошлого столетия. Именно в это время изданы труды авторов первого поколения курсов сравнительной типологии [3; 9].

Курс сравнительной типологии французского и русского языков, программа и первые учебные пособия на французском материале разработаны В. Г. Гаком. В ходе нашего исследования мы опирались именно на его работы [5-7].

Что касается типологических исследований русского и ингушского языков, то в последнее время издан ряд работ, посвященных данной проблематике. В настоящее время наметилась тенденция исследования лексики французского и ингушского языков, а также морфологии и синтаксиса в сопоставительном плане [1; 2].

В данной статье изложены основные результаты сопоставительного анализа локальных предложений французского, русского и ингушского языков. Материал исследования выделен методом сплошной выборки из произведений художественной литературы.

Термин *локальное предложение* – термин-гибрид, поскольку состоит из двух частей: латинской и русской. Этимологически прилагательного *локальный* является латинское существительное *locus* (место). В лингвистике термин *локальное предложение* трактуется как предложение, которое обозначает местоположение или направление субъекта. В рассматриваемых языках наиболее частотным средством передачи локального предиката является глагол с предлогом.

*“Mais elle revint la semaine suivante, s’assit elle-même par terre, pris le moutard dans ses bras, le bourra de gâteaux, donna des bonbons à tous les autres; et joua avec eux comme une gamine, tandis que son mari attendait*